

А.Г. Тепляков

НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТЕРРОР: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КАДРЫ ГОСПОЛИТОХРАНЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920–1922)

Комплексного исследования истории Государственной политической охраны (ГПО) Дальневосточной республики до сих пор не написано, причем наиболее основательная работа относится к советскому периоду¹. Между тем по этой теме существует большое количество открытых источников в партийно-государственных архивах, но до сих пор они разработаны поверхностно, из-за чего о сути деятельности Госполитохраны мало объективной информации.

Отъявленная партизанщина и полный развал во всех сферах жизни были самыми яркими чертами специфики Дальневосточной республики, с которой правительству Советской России приходилось мириться. В годовом отчете НКВД, сделанном Г.В. Чичериным VIII Всероссийскому съезду Советов в декабре 1920 г., признавалось, что на территории ДВР действуют «не наши Советы и не наша Красная армия, а местные красные партизаны»². Исключительную роль партизанских настроений в регионе был вынужден учитывать и Ленин. В ноябре 1920 г. председатель правительства ДВР, ссылаясь на неизбежный протест красных повстанцев, заверял главу Совнаркома, что разверстка в ДВР невысказана: «Крестьяне хлеб не дадут без эквивалента. Разверстка вызовет восстание партизан, приведет японцев»³. Ленин, тогда еще абсолютно приверженный идеям военного коммунизма, согласился в случае с ДВР на замену разверстки продналогом.

Госполитохрана начала формироваться в апреле 1920 г. и первые полгода влачила откровенно жалкое существование, поскольку со-

¹ Васильченко Э.А. Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке. 1920–1922. Владивосток, 1984.

² Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 694.

³ Шагин Э.М. В.И. Ленин и создание Дальневосточной республики // В.И. Ленин и Дальневосточная республика. Владивосток, 1985. С. 32.

вершенно не имела квалифицированных работников. Фактически госбезопасность сосредоточилась в Военном отделе ГПО, то есть внутри военной контрразведки НРА. Летом 1920 г. произошло слияние военной и гражданской частей ГПО. Последовала продолжительная чехарда то и дело сменявших друг друга директоров ГПО. И только в сентябре 1921 г. в Читу прибыл направленный ВЧК опытный Л.Н. Бельский (А.М. Левин), который затем более года возглавлял карательный орган ДВР.

Быстро построить в квазигосударстве эффективную службу политической полиции оказалось невозможно. Полпред ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский, курировавший ГПО, направлял туда десятки сотрудников, но ни одним председателем губернского ЧК для укрепления кадров ГПО не пожертвовал. Напротив, в ДВР отправляли тех, кого требовалось по каким-либо причинам удалить с глаз долой. Начальник Прибайкальского облотдела ГПО И.И. Клиндер ранее был замначальника Кузнецкого политбюро в Томской губернии, оказался под судом за провокаторскую деятельность, но вскоре получил гораздо более высокую должность в Госполитохране. В принципе, сибирские чекисты по уровню подготовки и дисциплинированности мало отличались от дальневосточных, применяя, в частности, широчайший красный бандитизм. Но именно они выступали в качестве штрафного пополнения для Госполитохраны.

С декабря 1920 по сентябрь 1921 г. сменилось шесть директоров ГПО, что вкупе с перманентным отсутствием средств самым пагубным образом отразилось на работе ГПО. Многомесячная кадровая чехарда не может не навести на мысль о том, что никто из руководителей ДВР не жаждал возглавить местную охранку или настоять на выделении ей подходящего человека. Мешала этому и клановость руководства ДВР, где все время непримиримо боролись те, кто хотел видеть ДВР мягким и достаточно долгоживущим вариантом советской республики, и те, кто мечтал о скорейшей ликвидации этого компромиссного государственного образования. Кратковременный уполномоченный ВЧК в ДВР В.И. Плянт, считавший ДВР «нарывом» на «здоровом теле РСФСР», в конце марта 1921 г. сообщал Дзержинскому, что глава правительства А.М. Краснощёков – это «авантюрист, мечтающий создать [из] ДВР какую-то мексиканскую республику, ведущую сепаратную политику...»⁴ Чуть позднее при-
сланный с инспекционными целями из ВЧК В.С. Москов сообщал в

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 68. Л. 163.

Москву, что ГПО выглядит «каким-то застенком, поощряющим всевозможные преступления»⁵.

По каким-то соображениям Ф.Э. Дзержинский не счел возможным оторвать от своего аппарата достаточное число опытных чекистов для строительства тайной полиции на Дальнем Востоке, сразу подчиненной ВЧК, но действовавшей нередко сепаратно. В условиях дефицита материальных и человеческих ресурсов искусственное государство, именовавшееся Дальневосточной республикой, не могло себе позволить иметь службу безопасности со штатом, достигавшим только в Военном отделе к ноябрю 1921 г. почти тысячи человек⁶. Общий же аппарат ГПО доходил до трех тысяч сотрудников. Средства не отпускались не только потому, что их было крайне мало, – внутреннее положение было стабилизировано огромной армией, которая оттягивала все на себя, так что малоэффективные органы госбезопасности финансировались по остаточному принципу. Глава Сибревкома И.Н. Смирнов в марте 1921 г. сообщал Ленину о том, что ДВР не может прокормить свою армию и превращается в паразита, высасывающего из Сибири все ресурсы⁷.

Результаты работы спецслужбы удручали и партийно-государственное руководство, и самих чекистов. Находившийся в Иркутске член Реввоенсовета 5-й армии Б.П. Позерн 8 августа 1920 г. сообщал, что из Особого отдела 5-й армии необходимо прислать новых работников в военконтроль ДВР, ибо прежние оказались «недоброкачественными», и указывал – со слов начальника политотдела 5-й армии И.Г. Бисярина – на «ненадежность всего состава работников», кои совершенно не имели твердого руководства и «разболтались»⁸. Как в октябре 1920 г. сообщали дальневосточные чекисты, из опроса перебежчиков было видно, что многие офицеры семеновской контрразведки очень хорошо осведомлены о ДВР, называют целый ряд фамилий видных деятелей республики «и сообщают о их работе до мельчайших подробностей». Большинство белых шпионов служило в учреждениях ДВР, например, две сотрудницы ОРГЧК, а также имелись «сведения и о многих других»⁹.

Доклад начальника Верхнеудинского (Прибайкальского) облотдела ГПО Ю.Н. Каптикова в губбюро РКП(б) гласил, что работоспособность отделения «стоит на самой низкой ступени». В конце 1920 г.

оно имело около 100 сексотов и столько же осведомителей: «Сексоты буквально раздеты, а продорганы, несмотря на требования мои и предыдущих начальников, ничего им не выдают... Среди мужского состава секретных сотрудников замечается склонность к уголовным преступлениям /зарегистрировано 8 случаев/ все же женщины секретные сотрудницы для того, чтобы не умереть с голоду и одет[ь]ся, вынуждены заниматься проституцией». Население Верхнеудинска и большей части уезда было враждебно к политике РКП(б). Почти все ответпартработники «относятся как-то пренебрежительно и недоверчиво к работе Государственной политической охраны»¹⁰.

За первую половину ноября 1920 г. за Верхнеудинским облотделом ГПО числилось 178 арестованных; также за эти две недели прибавилось 19 новых арестантов; освобождено же с 1 по 15 ноября было 46 человек. Контрразведка и активно-следственный отдел не давали комендатуре облотдела данных по перемещениям арестованных, из-за чего та не знала, сколько именно было арестовано и освобождено. В отделе контрразведки ГПО с 1 по 15 ноября 1920 г. числился 81 арестованный, в том числе четверо обвинялись как участники белогвардейской организации. В первой половине ноября 1920 г., как отметил врид начальника активно-следственной части Чистяков, работа его подчиненных была минимальна из-за холода в помещениях и малой опытности работников.

Характеризуя работу в первой половине декабря 1920 г., начальник агентурного отделения Ковалёв заявлял, что сотрудники не снабжаются и «скоро откажутся совершенно работать»; в отделении имелось к середине декабря 81 дело. За первую половину ноября по агентурному отделению арестов не было, произведен единственный обыск, осуществлено 16 слежек и наблюдений. А за вторую половину ноября, как отметил новый начальник агентурного отделения ГПО Е. Римский, деятельность подразделения оказалась «на точке замерзания» (всего 10 эпизодов наружного и внутреннего наблюдений за подозрительными), поскольку отсутствовало снабжение и перед сотрудниками было два пути – грабежи или проституция¹¹. В апреле 1921 г. чекисты ГУ ГПО в информационной сводке сообщали, что заговоры имеются всюду, хотя «серьезного ничего не представляют»; особенно часты заговоры в среде комсостава, так как штаты набраны из бывших каппелевцев и семеновцев¹².

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 68. Л. 188 об.

⁶ РГВА. Ф. 221. Оп. 4. Д. 2. Л. 72 об.

⁷ Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сб. док. Новосибирск, 1996. С. 216.

⁸ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 38–38 об.; Д. 194. Л. 130.

⁹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 15 об.

¹⁰ Там же. Л. 40 об.

¹¹ Там же. Д. 114. Л. 38, 56, 58 об., 64.

¹² Там же. Л. 20.

Деятельность ГПО была предельно далека от правовых норм, что подтверждал присланный ей циркуляр ВЧК по особым отделам (принят ранее декабря 1920), гласивший: «Если в городе, уезде и деревне замечается вредное в интересах Р.К.П. политическое течение, то нужно его прекратить, но прекратить не за то, что группа людей принадлежит к иному политическому течению, а сделать так, чтоб главарь этой группы и влиятельные ее члены не заметно для широких масс были бы привлечены к судебной ответственности за уголовное преступление которое при искусной работе Госполитохраны или Ч.К. можно им создать, но арестовывать их органам борьбы с политическими преступлениями нельзя, нужно возложить это дело на милицию и Уголовный розыск»¹³.

Дальневосточные чекисты, скованные запретом до 1922 г. смертной казни, активно применяли тайный террор. Хабаровские некоммунистические газеты в начале 1921 г. писали об исчезновении лиц, арестованных Госполитохраной, верно подчеркивая, что та «местной власти не подчинена, она получает директивы непосредственно из Иркутска»¹⁴. Военком и врид начальника партизанской Забайкальской кавдивизии, коммунист с 1917 г. Е.В. Поздняков 1 апреля 1921 г. телеграфировал в штаб Главкома НРА: «У меня есть официальные документы от сотрудников Г.П.О. об убийстве меня тчк Сотрудники Г.П.О. подтверждают что было поручено убить меня некоторым сотрудникам Г.П.О. [но] последние не исполнили, а признались мне тчк Мною не принимается никаких мер, прошу срочной высылки комиссии для разбора указанного тчк»¹⁵. Власти предпочли переместить военачальника: сводка Госполитохраны от 23 мая 1921 г. отмечала, что после ухода Позднякова штаб дивизии работает в контакте с ГПО и отношения чекистов «с дивизией начинают меняться к лучшему»¹⁶. По требованию комсостава одного из кавполков НРА Министерство внутренних дел 9 мая 1921 г. распорядилось немедленно арестовать начальника Троицкосавского подотдела ГПО Толинова и его сотрудников Бочкарёва с Голубьевым – за убийство популярного командира полка Кореца. Чекисты считали его, как бывшего офицера Белой армии, членом контрреволюционной организации и убили «при попытке к бегству»; в ответ военные пригрозили «полным разгромом всей ГПО»¹⁷.

¹³ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 33. Л. 41.

¹⁴ Уссурийский казачий вестник. Март 1921. № 24.

¹⁵ РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 369. Л. 172.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 35.

¹⁷ Там же. Д. 102. Л. 23, 25.

Приказ директора ГПО А.С. Лапы от 18 мая 1921 г. гласил, что до него доходят сведения, «что якобы сотрудники Госполитохраны занимаются “ликвидацией” некоторых арестованных политических врагов». Далее директор лицемерно уверял, что такие слухи распускаются злонамеренными лицами для дискредитации ДВР: «Тем не менее считаю долгом предупредить всех сотрудников, что всякие незаконные действия в отношении арестованных, как то: грубое обращение, побои, а тем более “ликвидация” ни в коем случае недопустимы», а сотрудники ГПО, «являясь ярким примером своей честности и гуманности», должны передавать следственные дела в нарсуды. Приказ предписывал предавать виновных суду по законам военного времени»¹⁸.

О том, что вышеупомянутый приказ не имел никакого значения, говорит циркуляр от 12 сентября 1921 г., разосланный очередным директором ГПО Г. И. Быковым с указанием всем местным органам – для улучшения имиджа ДВР в связи с начавшимися переговорами с Японией в Дайрене – временно «никаких секретных судов и расстрелов не производить», «не допускать широкого, бесцельного и вредного для РКП пользования методами провокаций» и пока «отказаться от чекистских методов ликвидации врага на месте преступления». Под угрозой военно-полевого суда Быков категорически приказывал «...выведение в расход захваченного противника немедленно прекратить и отправлять обвинение и материалы в Читу, если неудобно почему-либо передавать в распоряжение Политсуда. Из Читы секретно арестованные мною будут отправляться в Иркутск для предания суду Ревтрибунала»¹⁹.

В конце 1921 г. Быков крайне резко оценивал работу всей Госполитохраны. Он подчеркивал, что в условиях декларации о строительстве демократической республики, амнистии каппелевцам и семеновцам задачи ГПО по сравнению с периодом войны изменились, но ГПО не получила инструкций о границах своей деятельности и, предоставленная самой себе, превратилась не в орган охраны правительства ДВР, а в структуру, «компрометирующую своими действиями» власть грубейшими нарушениями законности, мародерством и взяточничеством. Аналогично в те же месяцы заявлял начальник Прибайкальского облотдела И.И. Клиндер: органы ГПО «весьма часто становились рассадниками отчуждения, вражды к власти и Компартии, все больше уклоняясь в сторону грубого произвола, насилия

¹⁸ Там же. Д. 1185. Л. 26.

¹⁹ Там же. Л. 15–15 об.

и абсолютного игнорирования объективных условий политического бытия Республики»²⁰.

Типичным выглядит отчет отстраненного за нарушения законности начальника агентурного отделения Читинского района ГПО Ф.М. Лаврова, описавшего работу этого подразделения с 1 июня по 28 июля 1921 г. Он отметил раскрытие подделки печатей и покупки пулемета, предупреждение ограбления госсредств в Русско-азиатском банке, а также раскрытие склада оружия в частном доме. Главным же его достижением стала фабрикация дела на шпионскую белогвардейскую «организацию», связанную с японской дипмиссией: по ней было арестовано два десятка военнослужащих, которых однако почти сразу, несмотря на выбитые признания, пришлось освободить, в связи с чем сам Лавров оказался под следствием²¹.

Чекисты широко практиковали жесточайшие избиения арестованных. Дальбюро ЦК РКП(б) 9 июня 1921 г. на заседании с участием лидеров Верхнеудинска констатировало ситуацию с избиениями в тюрьме Прибайкальского облотдела: «Видели избитых... сохранились еще следы плетевых резаных ран», отметив сепаратизм прибайкальских лидеров: «Оторванность прибайкальцев от Центра, даже не признавали, что Д[аль]Б[юро] существует. Отношение к населению – в каждом обывателе видят белогвардейца. Читы считают черным буфером. Начали соглашаться с заданиями ДБ, согласились с тем, что ДБ существует. Действительно положение в ГПО ужасное, кошмарное. В тюрьмах большинство крестьяне и рабочие»²².

Краснобандитские преступления были типичны все время существования Госполитохраны. В Хабаровске в декабре 1920 г. чекисты сожгли торговый дом Чурина, а год спустя – эсеровскую типографию. Член Дальбюро ЦК В.А. Масленников возмущенно писал о «подвигах» П.П. Постышева под Хабаровском в начале 1922 г.: «Взятые в бою 11 января пленные офицеры были ГПО по приказу т. Постышева убиты, замучены в санитарном вагоне. Об этом знали и рассказывали санитары, население, солдаты на ст. Ин». Также Масленников отметил, что «нужно было себе представить возмущение населения» Хабаровска, узнавшего про «ненужный расстрел 22-х арестованных ГПО при уходе из города» при панической эвакуации в декабре 1921 г.»²³

О пронизанности криминалом всех властных структур ДВР наглядно свидетельствует дружественное отношение многих коммуни-

стов, милиционеров и чекистов к бандиту К. Ленкову, бывшему партизану, который после роспуска отрядов организовал в 1921 г. банду из уголовников и деклассированных, включая и бывших милиционеров. Ленков именовал себя беспартийным анархистом, который не трогает бедняков, а «бьет» только буржуев. Его огромная банда благодаря покровительству целого ряда чиновников (депутата Народного собрания Н.И. Ташенко, сотрудников Транспортного отдела ГПО и батальона ГПО) безнаказанно действовала долгое время и в конце концов 10 мая 1922 г. совершила убийство выехавшего поохотиться члена ВЦИК и секретаря Дальбюро ЦК РКП(б) П.Ф. Анохина. Ликвидировали Ленкова по приказу властей сами бывшие партизанские вожаки, сохранившие с ним связь. По делу ленковцев прошло 102 чел., из которых 16 смогли скрыться, а 11 – были убиты при задержании и конвоировании²⁴.

Во второй половине ноября 1922 г. полпред ГПУ по Сибири Павлуновский писал зампреду ГПУ И.С. Уншлихту: «Тип ГПУ в ДВР, каким мы его имеем в настоящее время, нам уже опасен. 90 % – партизаны, которые мыслят себе Советскую Власть по типу Соввласти 17 и начала 18 года»²⁵. Наследие ГПО было тяжелым и сформированные в конце 1922 г. на их основе органы полпредства ГПУ по Дальневосточной области также оказались крайне криминализированы. Так, в Чите в 1924 г. был отмечен самостийный расстрел милицией примерно 15 сифилитиков из криминальной среды, которых совместным тайным решением высших партийно-чекистских кругов Забайкалья было решено ликвидировать как неизлечимых во всех смыслах²⁶. В ноябре 1925 г. руководивший аппаратом контрразведки Приморского губотдела ОГПУ Н.М. Шнеерсон отправил следующую записку начальнику 53-го погранотряда П.С. Панову: «Посылаю тебе мышьяк 25 грам[мов]. Им можно отравить 100–150 человек. Исходя из этого, ты можешь соразмерить, сколько нужно на каждого человека. На глаз нужно маленькую щепоточку...»²⁷

Спецификой квазигосударственного образования в лице ДВР, лишенного материальных и кадровых ресурсов и способного суще-

²⁴ Соловьев А.В. Государственная политическая охрана Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.) // Становление и деятельность органов безопасности в Сибири. Новосибирск, 2007. С. 39–41; Петров О.Г. «...Именем народа Д.В.Р.» Роман-хроника. Чита, 2009.

²⁵ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 68. Л. 68 об.

²⁶ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1692. Л. 53; Василевский В. Красный бандитизм // Забайкальский рабочий. 2011. № 187. 22 сент. С. 26–27.

²⁷ Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 270.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 358. Л. 2–5.

²¹ Там же. Д. 1185. Л. 73 об.

²² Там же. Ф. 17. Оп. 13. Д. 288. Л. 81.

²³ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 87. Л. 43, 43 об., 44.

ствовать только за счет финансовой, военной и кадровой поддержки со стороны Советской России, была опора на партизанщину. Вожаки многочисленных партизанских отрядов составляли правящий класс ДВР, доминируя во всех структурах и привнося в них анархизм, непрофессионализм и красный бандитизм, «компенсирующий» отсутствие внесудебных органов расправы и (до весны 1922) официальной смертной казни. По сравнению с органами ВЧК скопированная с них ГПО оказалась гораздо более непрофессиональной и малоспособной к политическому сыску, сильнее погрязшей в коррупции и стихийном терроре, в связи с чем весной 1921 г. оценивалась высшими правительственными чиновниками ДВР как «бандитский орган»²⁸.

Документы убедительно говорят, что в течение более двух с половиной лет своего существования ДВР продемонстрировала бессилие наладить какой-либо государственный порядок даже в сравнительно «нэповских» условиях (относительная свобода политического самовыражения, гласность, рыночная экономика), но при политическом господстве анархического и полупартизанского аппарата принуждения. Благодаря НРА и ГПО в ДВР фактически все время продолжалась Гражданская война, сопровождавшаяся массовым насилием криминализированного партийно-государственного аппарата над населением. Наше исследование показывает конфликтные взаимоотношения властных структур ДВР, негативную специфику кадрового состава ГПО, тайный красnobандитский террор в отношении противников. Попытки с помощью постоянных чисток добиться профессионализации раздутого кадрового состава основной спецслужбы ДВР оказались малоудачны. Данная работа сделана в русле изучения автором тенденций криминализации государственного аппарата в первые годы большевистской власти²⁹, для чего история ГПО ДВР дает особенно актуальный материал.

²⁸ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 68. Л. 163.

²⁹ Тепляков А.Г. Криминал и власть в эпоху становления Советской государственности // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 44–64.